

М. Ю. Нечаева

МУШКЕТЕРЫ И БОГАДЕЛЬНЯ (ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО НОВОТИХВИНСКОГО МОНАСТЫРЯ)

29 декабря 1801 г., воскресенье. Обычный зимний день заканчивался, город погружался в темноту. На окраине Екатеринбурга, за Уктусской заставой, где располагалось местное кладбище, темнота казалась еще чернее, а каждый звук в кладбищенской тиши раздавался обостренно громко.

Но жизнь и здесь шла своим ходом. Еще с 1796 г. (по другим сведениям — с 1797 г.) при Успенской церкви поселилось несколько женщин, решившихся провести оставшуюся жизнь в богомольном уединении. Эту общину, постепенно увеличивавшуюся численно, называли богадельней. Жили они в небольшом доме с молельной комнатой. Екатеринбургцы обращались к ним с просьбами отчитать молитвы по усопшим, подавали милостыню.

В тот воскресный вечер они как обычно собрались на вечернюю молитву в «богомольном покое». В 6-м часу пополудни они уже стали расходиться по своим комнатам, как вдруг раздался громкий стук в дверь. Известные, «пришед к богадельне к дверям, стучались у оных, не давая о себе знать, кто они таковые, по каковому сомнительству, да и так как уже было позднее время, они тех людей пускать в богадельню не стали».¹

Встревожившиеся женщины пошли запереть «богомольный покой», но в это время грабители бросились к окнам, «у одного, отбив запор, вышибли стекольную из рам окончину» и, «скача во оное», ввалились в дом. Они загасили огонь, и дальнейшие события происходили в кромешной тьме под испуганные крики женщин.

Впоследствии насельницы не вполне уверенно утверждали, что грабителей было трое, но описать могли лишь одного — того, который бил «бесчеловечно».

¹ Здесь и далее цитаты взяты из следственного дела, которое завели в Екатеринбургской градской полиции на основании рапортов пристава Чехонина и допросов пострадавших, подозреваемых и свидетелей (ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 31–39).

Грабитель прихватил у ограды «деревянную лопатку» (вероятно, для расчистки дорожек от снега) и, ворвавшись в дом, бросился на одну из первых насельниц общины — Настасью Самойловну Никитину, — «ударил ее оной по голове, отчего ее изломал» (т. е. поранил) и «вышиб из ума». «Девушка Настасья» (66 лет) на время потеряла сознание, а когда пришла в себя, то «от страха и удара, так как огня не было, просидела в переднем углу, и оной ее не видал, а как он пошел ломать сундуки, то она тихим образом вышла из той богомольни, убежала в хлев и до приходу караульных солдат пролежала между коровами».

Увидев, как грабитель бьет Настасью, остальные насельницы, «устрашась такового битья, и хотели спасти жизнь свою, побежали из той комнаты на улицу».

Воры кинулись за ними и успели ухватить девушку Марию Селиверстову, дочь мастерового Верх-Исетского завода, и крестьянскую девушку Татьяну Миронову. Мария оказалась неробкого характера, и когда грабитель «схватил ее за волосы, притащил обратно в ту богомольню и бил бесчеловечно, давил за горло, и прося у нее денег ассигнаций, от коего она оборонялась, царапая его лицо, и нечаянно попался правой ее руки большой перст к нему в рот, то он, прокуся его до крови, и более ее стал за горло давить. Между тем прочие его товарищи стали в той богадельне разбивать сундуки, то он, думая, что ее задавил, оставя в той богомольной, бросился к ним же, а она, между тем выйдя в двери, и побежала для объявления караульным на Уктусском въезде». Мария и привела караульных солдат.

Татьяне Мироновой вырваться не удалось. Грабители избили ее, притащили за волосы в комнату и потребовали зажечь огонь, «но так как у той печи не было лучины, и ей добыть было огня нечем, а они думали, что она не повинуюсь их воле, и так начали ее бить, коим она тогда сказала, что у них другая печь, в которой де она им огонь достанет. И как она оной стала доставать, то те грабители, дабы она их не могла признать, при самой добыче огня закрыли сзади у нее зипуном глаза и спрашивали ее, где у них сундуки и деньги». Перепуганная Татьяна пролепетала, что у нее

лично денег нет, где хранят деньги другие — она не знает, а «артельных» пожертвований в наличии всего десять рублей. Грабители, не желавшие поверить в крах своей авантюры, кинулись разбивать все сундуки, на всякий случай придержав и Татьяну, но в это время один из воров, прибежав с улицы, крикнул, «чтоб брали поскорее шапки и бежали», после чего грабители исчезли, а Татьяна, развязав глаза, обнаружила себя в крошечной тьме.

Остальные насельники в это время прятались как могли. Слепая 53-летняя Фекла Орлова «от страху могла успеть скрыться в той богадельне за трубу, где до самого приходу караульных солдат просидела безо всякого истязания». Еще трое спрятались в темном чулане, где вскоре к ним присоединилась Акулина Зубринская, которая в темноте сама налетела на грабителей, но они, «ударя ее по голове раза с три», поняли, что имеют дело с малолетней, и «брося ее на пол к стене, и приказывали лежать, а как стали разбивать сундуки, то она в беспамятстве тихим образом уползла».

Мария Селиверстова быстро привела караульных с Уктусского въезда, но грабителей они не застали. Караульный унтер-офицер послал солдата к приставу 1-й части Чехонину, и тот сразу же отправился лично осматривать место происшествия вместе с «правлящим должностью» городничего и приставом 2-й части, правда «сколько отыскивать тех людей ни старался, но на тьме не могли [найти]». Расспросили перепуганных женщин, но они мало что могли поведать, поскольку не разглядели в темноте грабителей. Лишь те, кого «бесчеловечно» били, смогли указать приметы, которые отразили «на ощупь», отбиваясь от нападавших. Так, Мария Селиверстова припомнила, что «когда же он ее давил, хотя было и темно, но она могла уприметить, что тот человек был большого росту, говоря высокой речью, платье ж на нем шуба нагольная, на голове волосы спереди стрижены, лицо завязано по глазам платом или тряпицею, а когда она его для знаку царапала, [на] лице была борода, большее ж в рассуждении страху и темноты опознать его не могла». Настасья Самойлова дала такое же описание, но уловила еще одну деталь — «на голове длинный солдатский колпак, то есть фуражная шапка». Относительно других грабителей, разбивавших сундуки, Татьяна Миронова отметила, что, «какого ж они лица, росту и в каком платье, по темноте, а более от страху, уприметить не

могла, кроме того, коей ее держал, ощупывала, что был в шубе и говоря в нос». Даже точное количество грабителей женщины указать не могли, получалось, что не менее трех.

Пристав Чехонин изложил все эти обстоятельства в рапорте, поданном в Екатеринбургскую градскую полицию и получил оттуда приказ «учинить незамедлительное исследование и по исследовании представить в полицию». Одновременно полиция отрапортовала о происшествии пермскому гражданскому губернатору К. Ф. Модераху и Пермскому губернскому правлению.

Пристав освидетельствовал причиненный богадельне ущерб: «из одного окна стеклянная окончина и с рамами вышибена, и той богадельни в разных чуланах у живущих богадельщиц разбито пять ящичков, и бывшей в них разной скарб разбросан по полу, но что унесено, те богадельщицы объявили, что об оном они знать еще не могут по причине той, что некоторых сундуков хозяйки отлучились из богадельни к своим родственникам, и объяснить обстоятельно имеют в завтрашнее число».² На следующий день они уже смогли оценить ущерб и указали, что грабители унесли «денег медными десять рублей да ассигнация в пять рублей», принадлежавшие «девице Катерине» (отсутствующей на момент ограбления), 4 рубля 60 копеек из денег также отсутствующей девицы Анны Коптеловой «да общественных подаваемых от добротных дателей десять или более рублей», разбито пять сундуков (не все поддались грабителям), и «более ничего не унесено».³

По скудному описанию примет частный пристав Чехонин попытался найти воров. Поскольку в показаниях был упомянут «на голове длинный солдатский колпак, то есть фуражная шапка», выходило, что хотя бы один грабитель был из числа солдат мушкетерской роты, квартировавшей в Екатеринбурге. Посему полиция обратилась за помощью к полковнику и ротному командиру Екатеринбургского мушкетерского полка Зубову, а тот приказал фельдфебелю Ивану Федотовичу Екимову «секретным образом» ходить «по роте своей для примечания по сутничеству в разграблении кладбищенской церкви женской богадельни, не окажется ли кто виновным из солдат их роты». Тот,

² ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 157. Л. 7.

³ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 33–33об.

проходя в шестом часу вечера мимо проломского питейного дома, «услыхал во оном шум» и зашел узнать, кто его чинит. Остановившись у порога, фельдфебель укрылся за бочкой, «дабы узнать его не могли», и рассмотрел, что дерутся двое — бывший в их полку отставной мушкетер Иван Пахтусов и «присыльный» Максимов.⁴ Драка была в самом разгаре, причем причина ее была непонятна присутствовавшим. Сиделец этого питейного дома Андрей Бедрин, ставший свидетелем этой сцены «по должности», заявил, что «не знает, с чего тот Пахтусов с присыльным Максимовым разодрались».⁵ Иван Пахтусов, заметив прячущегося за бочкой человека, ринулся к нему, «взял за ворот, потащив к стойке к огню для просмотра и узнания его, кто он таков, а по узнании сказал он, что [это] фельдфебель, но для чего он там укрывается и ходит в шубе и в малахее, ударил его по лицу и сшиб с ног».⁶ Фельдфебель, явно не желавший связываться с распоясавшимся в пьяном угаре Пахтусовым, стал просить сидельца сходить на ротный двор и сказать, что Пахтусов его бьет, но Андрей Бедрин вспомнил, что поблизости живут завсегдатаи питейного дома мушкетеры 10-й роты, которых он и позвал. Прибежавшие мушкетеры по приказу Екимова потащили Пахтусова на ротный двор, но он «упорствовал», падая «в пьяном образе» на землю. Когда Пахтусова все-таки притащили, у него на лице красовались «цапины» и «синевица» под глазом, «и были ли на лице цапины, того по темноте в том питейном доме не рассмотрел» ни фельдфебель, ни сиделец.⁷

Сам Иван Пахтусов даже более живописно расписал эту сцену его доставки: «Екимов приказал меня бывшим с ним всего уже четырьмя человекам тащить за волосы на ратной двор, а тот Екимов топтал меня ногами и бил палкой, отчего теперь имею один правой глаз подшибен, на левой щеке цапины, также на обеих холках и крыль[ь]цах багровые пятна, прежде же сего как на лице цапин и подбитого глаза ни было».⁸ Впрочем и предшествовавшая драка с «присыльным» и фельдфебелем в его изложении имела иные оттенки: «В проломский питейный дом [я пришел] примерно

к часу в 6-м, где был и пересыльной Максимов весьма в пьяном образе, и тот Максимов мне досадила некоторыми словами, то я его ударил в грудь, отчего он и пал на пол, а случившийся там быть Екатеринбургского полка 2-й роты фельдфебель Иван Екимов, подойдя, мне говорил, что я буен, и между разговором рассорились, и означенный фельдфебель схватил меня за грудь и потом ударил, а я, не уступя, поймал его за волосы и сшиб с ног на пол, и хозяин Калапов нас разнял, куда пришед два мушкетера, взяли меня и вывели на улицу».⁹ Козма же Калапов, у которого квартировал Иван Пахтусов, в своих показаниях ничего не говорил о своем присутствии в питейном доме в то время.¹⁰

«Цапины» на левой щеке и стали главным сюжетом следствия. Ивана Пахтусова предъявили насельникам богадельни для опознания, и те «по росту его и имеющимся на нем платье, как-то нагольной шубе, фуражной длинной шапке и волосам на голове стриженным, а больше при присылке его во оную часть, и щека была исцарапана, признают, кои видели, за бывшего их грабителя, но тот ли действительно, утверждать не могут».¹¹

Сам Иван категорически отрицал свое участие в грабеже, но присланная вместе с ним в полицию копия свидетельства, подписанного командиром Екатеринбургского мушкетерского полка подполковником от инфантерии и ордена Святого Иоанна Иерусалимского кавалером князем Мышенским, давала ему весьма нелестную характеристику. Выяснилось, что «Иван Григорьев сын Пахтусов» был из дворян, жительство имел в деревне Ензиной (она же Высокоранская) погоста Устрецы Белозерской половины Бежецкой округи Новгородской губернии, от роду имел 24 года,¹² на службе состоял с 21 марта 1795 г., «в походах и домовых отпусках не бывал», зато штрафован был. Замечен был в пьянстве (впрочем сей порок для мушкетеров всех стран особо предосудительным не считался) и краже 15 рублей (а это уже позорило и честь полка, и дворянское достоинство). Видимо, после этого проступка его и разжаловали 17 декабря 1799 г. из унтер-офицеров

⁴ Там же. Л. 37–37об.

⁵ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 157. Л. 27.

⁶ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 37об.

⁷ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 157. Л. 15, 27.

⁸ Там же. Л. 13.

⁹ Там же. Л. 12об.

¹⁰ Там же. Л. 13об.

¹¹ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 32.

¹² Сам Иван указал, что ему 28 лет.

в рядовые, а указом Военной коллегии от 9 ноября 1801 г. отправили в отставку.¹³

Однако возвращаться на родину отставной мушкетер не торопился. По его словам, он добровольно подал в отставку и дожидался получения паспорта от полка. Он продолжал жить на квартире у мастерового заводской команды Козмы Калапова вместе со своим младшим братом Николаем Пахтусовым, который также ушел в отставку из мушкетерского полка по собственному прошению, однако в унтер-офицерском чине, и тоже дожидался получения паспорта из полка.¹⁴ Там же, в доме мастерового, квартировали Екатеринбургского полка 2-й роты мушкетер «Евдоким Егоров сын Туговиков» и «присыльный» Аника Максимов (кстати, так и не допрошенный в ходе следствия, вероятно потому, что «присыльный»).

Далее материалы следственного дела рисуют прелюбопытнейшие детали повседневной жизни этой пестрой компании. Мушкетеры (отставные и находящиеся на службе)¹⁵ и мастеровые жили довольно дружно, без соблюдения каких-то сословных границ.

В воскресный день (точнее, вечер), 29 декабря, братья Пахтусовы, по их показаниям, были дома и никуда не отлучались, «как днем, равно и ночью». «Дарья Иванова дочь и заводской команды мастерового Калапова жена» — хозяйка дома — подтвердила только то, что братья и Аника Максимов «после полдень никуда не отлучались, ночевали же они на 30-е число все трое в передней избе, потому что она была морожена и в тот день вытоплена, а я с мужем своим ночевали в задней малой [избе]. Они в ту избу ночевать [ушли] часу около 7-го, а уходили куда позже сего время — того уже она не знает».¹⁶

Хозяин дома — 56-летний «Козма Ларионов сын Калапов» — тот день провел довольно разгульно: пару раз к нему зашел монетной команды мастеровой Михайло Невекин — позвал

в проломский питейный дом, сначала «для выпития» вина, потом для «повыпитий». Посему Козма вспомнить не мог, в каком часу вернулся домой после второго визита в питейный дом, но помнил, что по возвращении застал и Пахтусовых, и Максимова в передней избе, с которыми он и посидел до 9 часов вечера, а потом ушел в заднюю избу, «и до утра ко оним как я, так жена моя в ту избу не входили, и отлучались ли они куда в ночи, как мне, [так] и жене моей неизвестно, поутру ж по пробитии на работу, пришед я в ту избу, застал их всех спящих».¹⁷

«Присыльный» Аника Максимов — единственный в компании квартирантов, кто был занят в тот воскресный день делом. Отлучившись ненадолго около 9 часов утра, он вернулся и по просьбе хозяев стал белить печь в передней избе. Более уже из дома не выходил. Кстати, любопытна эта деталь городского быта — вымораживание избы в холодный день с последующим «косметическим ремонтом» — побелкой печи.

Эта троица — братья Пахтусовы и Аника Максимов, — и вызывала наибольшее подозрение у полиции. У Ивана Пахтусова была расцарапана левая щека — та самая, на которой оставила отметины Мария Селиверстова, — и грабителей было не менее трех...

Правда братья Пахтусовы утверждали, что после ужина из избы не выходили, что якобы могли подтвердить хозяева, которые к ним неоднократно заходили и их видели, но супруги Калаповы заявляли, что после ужина к квартирантам не заходили.

Четвертый постоялец — мушкетер «Евдоким Егоров сын Туговиков», — хотя и был старшим по возрасту среди квартирантов (ему уже шел 52-й год), провел тот воскресный день и ночь значительно разнообразнее и поистине в мушкетерском духе. Сменившись с караула, он вернулся домой ненадолго, затем пошел в гости к знакомому мастеровому Емельяну Гроздову, где и пробыл до ночи. Самого мастерового дома не было, зато жена его оказалась очень гостеприимной хозяйкой и даже попросила мушкетера заночевать у нее. Он не отказал. В дом Калаповых Евдоким вернулся только утром — часу в 5-м или в 6-м. Он подтвердил, что застал всех остальных квартирантов спящими, «а отлучались ли они той

¹³ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 157. Л. 4. В показаниях самого Ивана Пахтусова есть некоторые детали его служебной биографии, порой отличающиеся от сведений в свидетельстве. Так, он указал, что поступил на службу 25 марта 1795 г. в 6-й мушкетерский полевой батальон Сибирского корпуса, а в 1797 г., по расформировании полка, был переведен в Екатеринбургский полк. Иван утверждал, что «в штрафах и наказаниях не был» (Там же. Л. 12).

¹⁴ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 157. Л. 14.

¹⁵ Детали повседневной жизни Екатеринбургского мушкетерского полка до настоящего времени были вне поля интересов исследователей военной истории (см., например: Земцов В. Н., Ляпин В. А. Екатеринбург в мундире. Екатеринбург, 1992. С. 70–103).

¹⁶ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 157. Л. 130б.–14.

¹⁷ Там же. Л. 13–130б.

ночи куда с квартиры, того не знает».¹⁸ Евдоким оказался весьма общительным человеком: в понедельник, 30 декабря, к нему на квартиру наведались двое сослуживцев — ефрейтор Яков Смирнов и солдат Николай Ужгинцов — «для выпивки», которые, надо полагать, осуществили свое намерение в компании не только Евдокима, но и других постояльцев.¹⁹

Веселую жизнь продолжил и хозяин дома Козма Калапов. По версии Ивана Пахтусова, 30 декабря в 6-м часу вечера он пошел в проломский питейный дом именно по просьбе хозяйки «для вызову в дом свой хозяина Калапова», а обнаружил там еще одного квартиранта — Анику Максимова — «весьма в пьяном образе», который и «досадил» ему «некоторыми словами», за что Пахтусов «его ударил в грудь, отчего он и пал на пол».²⁰

Судя по всему, между хозяевами и квартирантами были приятельские отношения. Когда Иван Пахтусов оказался под следствием, именно Козма Калапов взял его 11 февраля 1802 г. «на свое поручительство до решения об нем дела, с тем, чтоб он из городу вдаль никуда не отлучался».²¹

Все они — и Калаповы, и Туговиков, и приходившие к нему сослуживцы, и сиделец питейного дома, и фельдфебель Екимов, и, конечно, брат Николай Пахтусов — показали, что «не уприметили», была ли исцарапана левая щека у Ивана Пахтусова до того, как его волоком потащили на ротный двор «нечестным образом». Да и судя по времени ужина в доме Калаповых, Иван Пахтусов и другие квартиранты не могли оказаться в 6-м часу вечера на кладбище.

На заключительном этапе следствия в полиции обратили внимание и еще на одно несоответствие: «а тем паче, что сказанная девица Селиверстова в показании своем объявила, что у того человека, которой ее давил, была борода, но у того Пахтусова бороды нет».²²

Других подозреваемых у полиции так и не было. В мушкетерском полку не нашли больше человека «в солдатском колпаке» с «цапинами» на лице (или не пожелали сообщить, храня честь мундира). Екатеринбургский уездный суд, хотя и вынес определение в адрес градской полиции, что она не привела к присяге

при допросе Дарью и Козму Калаповых, тем не менее, принял к сведению их показания, составлявшие алиби Ивана Пахтусова на момент ограбления. В результате дело, в сущности, так ничем и не кончилось: 14 февраля 1802 г. Екатеринбургский уездный суд постановил, что «потому как на него, Пахтусова, в означенном разграблении богадельщиц явного и постороннего доказательства нет... то его, Пахтусова, по силе Воинских процессов 2-й части 3-й главы 9-го и 10-го пунктов обвинить и к какому-либо наказанию присудить не можно, для чего и учинить его от сего дела свободным, однако ж в рассуждении показания богадельщицы Селиверстовой о примеченных на нем знаках и платье, а притом как об нем, Пахтусове, и в данном от полку паспорте объяснено, что он за пьянство и кражу 15-ти рублей разжалован из унтер-офицеров, то по худому его поведению не откроется ли на него, Пахтусова, в означенном преступлении какого и с кого впредь доказательства, на основании Воинских процессов 5-й главы 7-го пункта, оставить его в подозрении, и потому иметь за ним, Пахтусовым, здешней градской полиции обеим частям неприметным образом наблюдения».²³

Насельницы богадельни, со своей стороны, видимо, не побуждали полицию к более активным поискам грабителей, со смирением признав, что запомнили слишком мало примет, чтобы с уверенностью обвинять кого-либо.

Кстати, это следственное дело один из самых ранних документов, который высвечивает персональный состав богадельни, положившей начало Екатеринбургскому Новотихвинскому монастырю. И что еще более ценно, это дело представляет галерею характеров екатеринбургских богадельщиц, что редко встречается в исторических источниках.

История монастыря, как уже отмечалась, началась в конце XVIII в. При кладбищенской Успенской церкви, находившейся, как считалось, уже за городом (ныне это центр Екатеринбурга), поселилось несколько женщин. Сколько их было сначала и когда они там появились — точно не известно. Но уже с 1796 г. там жили, как минимум, три богадельщицы. Среди них были и упоминаемые в деле 1801 г. Анастасия Самойловна Никитина — крестьянская девица из села Горнощитского, та самая, которую так «бесчеловечно» били грабители, — и вдова мастерового, дочь доменного

¹⁸ Там же. Л. 15–15об.

¹⁹ Там же. Л. 15об.

²⁰ Там же. Л. 12об.

²¹ Там же. Л. 20.

²² Там же. Л. 30об.

²³ Там же. Л. 30об.–31.

подмастерья Каменского казенного завода Татьяна Игнатьевна Филинкова (в девичестве Казанцова). Правда есть расхождения в датах их рождения: по материалам следственного дела 1801 г., Анастасия и Татьяна родились в 1741 г., а по списку насельниц 1808 г., Анастасия — в 1735 г., а Татьяна — в 1742 г.²⁴ Третьей из числа старейших насельниц монастыря была Митрофанова Татьяна Андреевна (в девичестве Костромина), жена солдата Екатеринбургской горной роты²⁵ с Березовских золотых приисков Петра Сергеевича Митрофанова, которая и стала первой настоятельницей монастыря, официально учрежденного только в 1809 г. Во время описанного происшествия 1801 г. она в богадельне отсутствовала, поскольку как раз совершала паломничество по монастырям России с целью найти тот образец монашеской жизни, который стал бы нормой и для екатеринбургской общины. Кстати, муж Татьяны Андреевны в это время находился на военной службе и тоже был мушкетером (до 1790 г. — в Выборгском мушкетерском полку, после — в Кольванском мушкетерском полку, дослужился до унтер-офицера).²⁶

Еще один персонаж дела 1801 г. — Фекла Евтефеевна Орлова. Она жила при кладбищенской церкви с 1798 г. Биографические данные о ней тоже противоречивы: по одним источникам, она родилась в 1736 г. и была дочерью крепостного крестьянина с Полевского завода, по другим — родилась в 1748 г. и была дочерью мастерового этого же завода.²⁷

С 1798 г. жила в общине и дочь мастерового из Екатеринбурга Екатерина Ивановна Логинова. Вероятно, именно она упоминается в деле как «девица Катерина», отсутствовавшая на момент ограбления, но пострадавшая от

него больше всего: из ее имущества грабители унесли 10 рублей и ассигнацию в 5 рублей. Она родилась в 1770 г.²⁸

С 1798 г. здесь поселилась и дочь крестьянина Арамилской волости Анна Васильевна Коптякова, также отсутствовавшая на момент ограбления и пострадавшая от него (из ее сундука похитили 4 рубля 60 копеек).²⁹

Упомянутая в деле «Василиса Иванова, деревни Ключей государственного крестьянина Иванова дочь девица» (по другим источникам, ее фамилия — Патрушева), появилась при Успенской церкви в 1800 г. Данные о годе ее рождения противоречивы: по материалам дела 1801 г., ей было 25 лет, т. е. она родилась в 1776 г., а по данным 1808 г., — в 1786 г.³⁰

Все они дожили до официального учреждения монастыря в 1809 г.

Другие же фигуранты дела 1801 г. не упоминаются в более поздних источниках, связанных с историей Екатеринбургского монастыря: это и 19-летняя Мария Селиверстовна Селиверстова, дочь мастерового Верх-Исетского господина Яковлева завода, так яростно сражавшаяся с грабителем и даже оцарапавшая его не только со страху, но и дабы поставить «знак» на нем для последующей его поимки, та самая, что привела солдат с Уктусской заставы и наиболее подробно описала грабителя; и 14-летняя дочь мастерового камнерезной фабрики Акулина Егоровна Зубринская, с перепуту налетевшая на грабителей; и 26-летняя дочь государственного крестьянина из деревни Копыриной Некрасовской волости Камышловской округи Татьяна Емельяновна Миронова, тоже натерпевшаяся при нападении; и 62-летняя вдова мастерового заводской команды Федосья Меркульевна Бегунова. Кто знает, быть может страх, пережитый в тот вечер, повлиял на то, что они покинули богадельню?

Первые годы фактического существования община при кладбищенской церкви не вела строго монашеского образа жизни: ее члены временами отлучались к родственникам, да и сам состав менялся достаточно динамично.³¹

²⁴ Первые документы, касающиеся общины, полны противоречий. Так, фамилия Анастасии Самойловны указывается и как Никитина, и как Сапожникова, а год ее рождения — и 1735-й, и 1738-й, и 1741-й. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 65об.; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря // Екатеринбургские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1905. № 5. С. 130. Татьяна Игнатьевна указывается вдовой то мастерового, то солдата, причем в одних документах сказано, что она ранее проживала при Каменском заводе, в других — что ее муж служил при Екатеринбургском монетном дворе. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 65; Материалы... 1905. № 5. С. 130.

²⁵ По иным источникам — мастерового.

²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 67–68, 211; Ф. 797. Оп. 1. Д. 3924. Л. 160б., 17–18об.; Материалы..., 1905. № 5. С. 130; 1907. № 11. С. 248, 249.

²⁷ Фамилия имеет два варианта — Орлова и Орловых. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 66; ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 35.

²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 66об.

²⁹ Фамилия имеет два варианта — Коптякова и Коптелова, год рождения тоже указывается по-разному — 1763 и 1768. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 66; ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 33–33об.; Материалы... 1905. № 5. С. 130.

³⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 65об.

³¹ См. об этом более подробно: Нечаева М. Ю. Рождение Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря. Екатеринбург, 2012. С. 1–36. URL: <http://www.atlasch.ru/work/102> (дата обращения: 30.06.2013).

Сначала эта община не подлежала официальному контролю со стороны церкви, поскольку не имела статуса монастыря или монашеской общины. Только в конце 1798 г. она получила определенное признание от градской думы, которая в ответ на прошение «сиротствующих» вдов и девиц определила им денежное пособие в размере 4 рублей в месяц, передала все необходимые документы для ходатайства об официальном признании перед епархиальным начальством и даже выразила намерение городского общества построить для них каменный келейный корпус вместо имевшегося деревянного дома.³²

Указом архиепископа Тобольского Варлаама от 17 января 1799 г. женщинам официально дозволялось жить при церкви.³³ С этого времени небольшая община «сиротствующих» подлежала контролю со стороны духовных и гражданских властей.

Указом архиепископа Варлаама Екатеринбургскому духовному правлению предписывалось «смотреть того, дабы для жития во оном при церкви доме дозволения давались немалолетним вдовам и девицам, и сверх того не чуждающимся церкви святой, а которые повсегодно бывают у исповеди и святого причастия у православных священников». Екатеринбургская градская полиция обязана была надзирать за наличием у насельниц общины официальных разрешений («видов») на проживание здесь, а также иметь сведения «о добропорядочной их жизни».³⁴ Это была еще не монашеская община, а богадельня, получавшая пособие от городской казны.

Дело 1801 г. показывает интересные детали быта этой богадельни. Вдовы и девицы живут в доме, построенном при Успенской кладбищенской церкви «от общества для сирот и убогих женского пола», с двумя печами, несколькими комнатами, одна из которых — молельная. Дом с хозяйственными постройками (упоминаются чуланы, хлев, где находится несколько коров) обнесен оградой. Скарб насельниц хранится в персональных сундуках, а кроме «общественных» денег, есть и личные средства.

Кстати, описание богаделенного дома, каким он предстает в деле 1801 г., сложно согласуется с другими данными, согласно которым каменный двухэтажный дом для богадельни градское общество начало строить в конце

1798 г., а к 1803 г. закончило только 1-й этаж и достраивало второй. Этот каменный дом Г-образной формы — длиной 11 сажен и шириной 7,5 сажени (первый этаж) и 5 сажен (второй этаж) — состоял из 8 комнат (по 4 на этаже). К нему были пристроены кирпичные «службы»: пекарня с кладовыми, погреб, чулан.³⁵ Возводился он на средства градского общества и пожертвования («прикладные деньги от боголюбцев, коих имена единому Богу известны») «собственными трудами и силами» насельниц общины.

До возведения каменного дома насельницы жили в деревянном доме для причта, построенном на средства купца Хлепетина в 30 саженях к западу от Успенской церкви, «вблизи угла ограды каменной».

Однако, судя по описанию в деле 1801 г., богадельщицы живут в доме, по-видимому, одноэтажном, построенном «от общества». Информация о строительстве здания явно требует дальнейшего уточнения.

Эта богадельня была первой в Екатеринбурге, существующей при церкви, однако не единственной в городе. К тому времени на Урале уже имелись небольшие благотворительные учреждения: в 1789 г. Петр Харитонов создал городскую богадельню, была и горнозаводская богадельня, но они, по-видимому, не могли принять всех нуждающихся.³⁶ Были богадельни и при церквях Тобольской епархии, но большинство из них находилось в самом Тобольске, и жители Урала редко могли найти там себе призревание. Существовали все эти учреждения либо на частные пожертвования, либо на средства архиерейского дома.³⁷

Екатеринбургская кладбищенская богадельня должна была существовать за счет своих трудов, пожертвований и средств, выделяемых градской думой; соответственно и численность богадельщиц определялась в указе архиепископа Варлаама словами «сколько оных общество содержать согласится».³⁸

³² См.: Материалы... 1905. № 5. С. 129–131.

³³ См.: Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2001. С. 30.

³⁷ Самая большая в епархии женская церковная богадельня существовала при архиерейском доме в Тобольске: в 1799 г. в ней было 60 человек, им выдавалось жалованье по 5 рублей в год каждой. Сведения о других церковных богадельнях епархии конца XVIII в. достаточно отрывочны, и это неслучайно: богадельни были невелики, могли временами закрываться и целиком зависели от нерегулярных пожертвований благотворителей. См.: Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 3. Д. 440; Оп. 5. Д. 212. Л. 8–90б.

³⁸ Цит. по: Материалы... 1905. № 5. С. 131.

³² См.: Материалы... 1905. № 5. С. 130, 131.

³³ Там же; ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 82. Л. 7; Д. 83. Л. 48.

³⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 34–35.

Екатеринбургское градское общество в 1799 г. «приговорило» увеличить пособие богадельне до 10 рублей в месяц из расчета на 15 человек.³⁹ Вероятно, это и был ее наличный состав к тому времени.

Начальный период существования общины при Успенской церкви был самой сложной страницей в истории Екатеринбургского Новотихвинского монастыря. Насельницы только определялись с тем, хотят ли они жить по-монашески или следовать менее строгим правилам градской богадельни. В общине не было устава, который позже напишут специально для этого монастыря на основе всего того лучшего, что увидела Татьяна Андреевна Митрофанова (Костромина) во время своего

долгого паломничества в 1801–1802 гг. И этот устав будет общежительным, в отличие от менее строгих норм, которые прослеживаются по деталям дела 1801 г. И не все богадельщицы станут послушницами и монахинями монастыря, учрежденного только в 1809 г. Сменится не одна волна насельниц, прежде чем сложится ядро этого монастыря — те старейшины, которые через многолетний опыт пребывания в богадельне проверили свое стремление к монашеской жизни. Но на всех стадиях существования Екатеринбургского Новотихвинского монастыря в нем можно было встретить людей с очень разными характерами, своеобразную живую картину которых и явило следственное дело 1801 г.

Ключевые слова: *монашество, православие, Русская Православная церковь, история религии, история повседневности, Екатеринбургский Новотихвинский монастырь, мушкетеры*

Marina Yu. Nechaeva

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: atlasch@narod.ru

MUSKETEERS AND AN ALMSHOUSE (FROM THE EARLY HISTORY OF EKATERINBURG NOVOTIKHVIN CONVENT)

Based on the materials from a unique source — the investigatory records of an 1801–1802 case — the article attempts at reconstruction of the everyday life of various groups of population of Ekaterinburg and the almshouse near a cemetery which was the beginning of Ekaterinburg Novotikhvin convent — the largest convent in the Urals. Sparse available materials shed some light on the first pages of the history of this nunnery; provide glimpses of biographies and character of the nuns, most dramatically manifested in an extreme situation. The reconstruction of the way of life of the musketeers and craftsmen performed by the article on the basis of a historical anecdote demonstrated the flexibility of social organization of the population of Ekaterinburg of the early 19th century, the characteristic features of their cultural and moral appearance, everyday life organization, and the norms of their day-to-day communication. These materials have never been published before.

Key words: *Monasticism, Orthodoxy, Russian Orthodox Church, the history of religion, the history of everyday life, Ekaterinburg Novotikhvinsky Monastery, Musketeers*

REFERENCES

Blagotvoritelnost na Urale [Charity in the Urals]. Ekaterinburg: SV-96 Publ., 2001, 255 p. (in Russ.).

Nechaeva M. Yu. *Rozhdenie Ekaterinburgskogo Novo-Tikhvinskogo zhenskogo monastyrya* (Birth of Ekaterinburg Novo-Tikhvin Nunnery). Available at: <http://www/atlasch.ru/work/102> (accessed 30 June 2013). (in Russ.).

Zemtsov V. N., Lyapin V. A. *Ekaterinburg v mundire* [Ekaterinburg in uniform]. Ekaterinburg: Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1992, 299 p. (in Russ.).

³⁹ См.: Иконников В. Историческое описание Екатеринбургского Новотихвинского первоклассного девичьего монастыря. СПб., 1875. С. 2.